

ством, тех, кто давно пустил корешки в городскую почву, удобренную всеми коммунальными удобствами. Летними отпусками непременно наезжают, гащивают у родни, мотивируя помощью по хозяйству. Один из кыновлян сбежал из села, едва 17 лет исполнилось. Всю жизнь прожил вдалеке, а семидесятилетний юбилей отпраздновать потянуло сюда.

А вот ещё необъяснимая особенность села: несколько даже маниакальное стремление кыновлян запасаться дровами в оглушительных количествах. Может, это генетическое следствие того, что завод столетиями потреблял древесный уголь и дров требовалось несусветно много. На старых снимках Кына упорно лезут в фокус дровяные бастионы, сложенные рядом с заводскими цехами. Вот и сейчас назойливая память принуждает: пили, руби, коли!.. А незанятых ровных мест в гористом Кыну почти не осталось, поленицы выкладывают впритык к фасадам изб, оконцам едва не под брови. Громоздят вдоль заборов, отчего огороды напоминают изготовленные к осаде крепости. Где только обозначится ровное место — там тотчас вырастает дровяная гряда.

Человек тщится раздвинуть скалы, отыскать себе местечко, чтобы втиснуться. Но камень всюду, он нависает, свешивается, подпирает, сдавливает, иной раз скальная громада, кренясь, подбирает-

Памятник железным караванам в Кын-заводе

ся и чуть не ложится на обшитую тёсом стену. Едва углядишь распадок меж выщербленных глыб, нащупаешь уступ в ложке гремучего ручья, а тут уже хибарка, огородик-пяточок и ещё три-четыре улья пчелиных втиснуто. Так и бодаются изначально камень и дом.

Пространство для завода и для жительства прорыл и раздвинул Кынок — речка шумливая, но вроде горным буйство Арагвы и Куры не грозящая. Однако и Кынок умеет коварно переворачивать

курносые каяки туристов-экстремалов, рискующих пройти хотя бы от остатков заводской плотины до впадения в Чусовую. Всё же интереснее пропутешествовать вдоль берега. Вот полуразвалившиеся бревенчатые кораба — «свинки», остатки заводских плотин. Мощная кладка береговой подпорной стены. А из прибрежного бугра высовывается полукруглый зев какой-то металлической конструкции. Оказывается, это передаточный вал от колеса на плотине к мехам доменной печи. Вмонтирован он был в каменную кладку левого крыла плотины, а её, как и первые каменные здания в Кыновском заводе, строили в 1819-1819 гг. Получается, засыпанная землёй железяка — самый древний из сохранившихся заводских механизмов в Пермском крае.

Первыми хозяевами Кына чуть было не стали Демидовы. Сам Акинфий Никитич, по легенде, два раза в 1724 году сюда наведывался, придирчиво оценивал возможные перспективы. Были они таковы: лес для выжигания угля имеется, жительство в мрачноватом месте старообрядцы, а им по вере полагается во всяких трудах честно усердствовать. Транспортный путь — вот он, Чусовая, однако со времён Ивана Грозного она считается «строгановской» рекой. Бурый железняк окрестных месторождений содержит 50 и больше процентов железа, да ещё и природную легирующую добавку — ванадий. Вообще рудных «дудок» вокруг Кына в изобилии, но мелких, такие быстро истощатся. Для устройства заводских плотин имеется речка Кынок, но с него много воды в прудах не соберёшь, число водоотбойных колёс, а значит, и приводимых ими в действие механизмов будет ограничено. Может, имелись ещё какие-то соображения, но сальдо сложилось у Акинфия отрицательное, так что только лишь 6 февраля 1759 г. Берг-коллегия отвела Кын «действительно статскому советнику, кавалеру барону Николаю Строганову».

Сколько их, демидовских, строгановских, прочим вельможам и негитулованным промышленникам принадлежавших, навсегда кануло в глубине Камского водохранилища, в щёлочку размолото временем и экономической неконкурентоспособностью. А вот тут, в Кыну,

